

критика и библиография

Анатолий ФИЛАТОВ

Светом стать и пережить себя

Страницы воспоминаний о поэте Игоре Еремине

Знаменательное событие произошло в сентябрьский день 2004 года в городе Белогорске Амурской области. На доме номер 14 по улице Северной была установлена памятная доска замечательному дальневосточному поэту Игорю Алексеевичу Еремину. Она установлена в день семидесятилетия со дня рождения поэта. Более двадцати лет его нет с нами.

Меня тянуло к этому человеку. В 1969 году, когда Еремин вернулся в Белогорск, я работал собственным корреспондентом Амурского телевидения по Белогорскому и Серышевскому районам. Иногда Игорь ездил со мной на съемки, чтобы набраться впечатлений. Выезжали мы с ним и в Возжаевку к учителю и поэту Коротаеву, навевались в военный совхоз к моей теще угоститься яблоневого бражкой. В городе мы обычно ходили втроем: Игорь Еремин, баянист Владимир Евстюхин и автор этих строк. Нас часто можно было увидеть за одним столом в какой-нибудь вечно прокуренной забегаловке. Там к нам присоединялся рабочий завода «Амурсельмаш» Николай Дегтярев. Он жил в собственном доме с уютным, благоухающим зеленым двором, куда мы порой и перебирались от звона стаканов и табачного дыма. Из настезь распахнутого окна хрипел голос Высоцкого, к песням которого Еремин относился отрицательно, но помалкивал, чтобы не обидеть Дегтярева. А тот разливал по стаканам вино и читал свои стихи. Игорь вроде бы слушал, но я знал, что мыслями он где-то далеко, ибо то, что читал Николай Дегтярев, к поэзии мало имело отношения. Иногда мы выбирались на берег Томи. Евстюхин брал с собой оранжевый баян, меха которого чаще всего так и не показывали свою широту и не трогали музыкой знойный день и желтизну быстро мчавшихся вод. Дно реки илистое, с неожиданными ямами, бывало, попадая на них, купающийся человек тонет. Но мы лезли в этот широко струящийся поток реки. Правда, и здесь Игорь Алексеевич оказывался как бы обособленным участником нашей компании. Он оставался на берегу и созерцал окружающий мир.

Он не был вхож во властные структуры, по выходу его поэтических сборников не устраивали презентаций, как это принято сейчас, когда хотя и малыми тиражами, но сплошь и рядом появляются книжонки псевдопоэзии, и авторы их стремятся засветить себя на поэтическом Олимпе. Игорь Алексеевич писал стихи:

*Зимы заснеженные виды
Не восхищают, а гнетут,
Когда смотрю, как инвалиды
По скользкой наледи идут.*

*Вот летом это незаметней.
Протезы или костыли,
Они свой стук теряют в летней,
Звук поглощающей пыли.*

*А на морозе скрип их резок,
И плачет и скрежещет снег,
Когда проходит на протезах
Войну прошедший человек.*

*Его завизжу и тоскую —
Враз отзывается во мне
И сорок первый под Москвою,
И все, что было на войне.*

...В рабочем кабинете, где он и спал, не было ничего лишнего: железная с панцирной сеткой кровать, письменный стол журнального варианта с пишущей машинкой и небольшая стопка книг, в основном словари. Стены голые. Окно выходило во двор с высокими тополями, за которыми просматривался кусочек городской дороги и стела комсомольцам, павшим на фронтах Великой Отечественной войны.

Увидев меня из окна, он призывно махал правой рукой; левая, поврежденная давним выстрелом, обычно находилась в опущенном полусогнутом состоянии. Я заходил, мы выпивали по стопке-другой. Он читал новое, только что написанное, и никогда не спрашивал, нравится ли. Очевидно, по выражению моего лица понимал, какое впечатление производит прочитанное. А я, улавливая музыкальность и ритм стиха, чувствовал, как раскрывается во мне что-то большое, волнующее. Вспоминалось когда-то прочитанное у Адалис — замечательной поэтессы начала прошлого столетия: «...В этом и есть сила поэзии. Но не только. Главное в остатке. Стихотворцу необходимо знание техники стиха, но надо знать и причины и способы поэтического воздействия. Поэзия — это мышление образами». Не случайно в углу ереминской комнаты часто валялись исписанные и скомканные листки бумаги. Поэт искал свои образы, а те давались непросто. Он упорно работал над построением фразы, как бы пробуя на вкус и цвет каждое слово.

Мы никогда не касались с Ереминым моего творчества. Я — потому что боялся отдалиться от поэта и потому, что видел, как далеко мне до Игоря. Еремин — очевидно потому, что не любил лезть, куда его не приглашают. И еще он, как мне казалось, считал меня пленником кино.

Игорь жил поэзией. Вернее, жизнь со всеми ее проблемами и была героиней его стихов. Вот что пишет поэт в поэме «Большак»:

*Зовут по-разному дорогу:
То просто тропкой, то тропой.
Одна ведет тебя к порогу.
Другая в рощу — за собой.*

*Одна мелькнет во ржи проселком,
Другая, взбудоражив снег,
Проложит на морозе колком
Свой — первопутком — санный след.*

*Живет дорога век от века,
И миновать ее нельзя.
В судьбе любого человека
Она то стежка, то стезя.*

*Но вот что важно: все дороги,
Как ни зови их на веку,
Ведут в конечном-то итоге
К дороге главной — к большаку.*

Чтобы написать эту поэму, Игорь не только прислушивался и присматривался к событиям своего времени, но и устремлял пристальный взгляд в прошлое.

*Ах этот путь! Не зря казалось:
Здесь боль всяя Руси больней,
Чем где-нибудь, души касалась,
Ведь здесь она была видней.*

*Ведь здесь текла сплошным потоком
Россия нищих и калек,
Напоминая ненароком,
Как жизнь трудна, как тяжек век.*

*Ведь и в Сибирь все тем же трактом
Этапом ссыльные брели,
Еще не зная, что там, как там,
Вдали той каторжной земли...*

Дальше развивая свою мысль и показывая, какие преобразования произошли на окраинах бывшей каторжной земли, поэт в действительности выходит на большак и с блокнотом в руках посещает Зейскую ГЭС, Байкало-Амурскую магистраль.

Вспоминается, как вдвоем с Игорем мы ездили в город Зею. На станцию Тыгда, откуда дальше предстояло ехать автобусом, поезд пришел теплым июльским днем. Автобус на станцию еще не подали, и мы зашли с Ереминым в кафе, где отведали местной медовухи. Несколько бутылок этого напитка взяли с собой. Под высокими тополями в ожидании транспорта выпили и это. Уж очень вкусна была медовуха. А тут и автобус подошел. Дорога пролегла сквозь густой темный лес и была в колдобинах. Старенький автобус медленно царапался меж крутых сопок. Трясло. Игорь, надвинув на глаза шляпу, казалось, спал. Но вот, читая поэму «Большак», встречаю следующее:

*Жаль, не всегда был адрес Зея,
И по дороге неспроста
Я обретал вид ротозея,
Дивясь на здешние места.*

*Земля то буйством разнотравья,
То обнаженным камнем скал
Влекла к себе, да так, что весь я
В окно автобуса врал.*

*Вставали сосны-великаны,
И чудилось, что с веком в лад
Они, как башенные краны,
Вздымают стрелы вместо лап...*

*Когда живешь вперед с заглядом,
Мечту не примешь за мираж!
Ведь твердо веришь, будто рядом
И впрямь строительный пейзаж.*

Тогда, в Зее, я снимал киносюжеты для новостей Благовещенской студии телевидения. Игорь Алексеевич приехал собрать материал, который войдет потом в поэму «Большак». Мы жили в деревянной двухэтажной гостинице. На неделю зарядили дожди. Лес стоял темный и нахохленный, дороги размыло. Зея взбухла, шумно несла свои воды, затапливая берега. В такую вот слякоть мы добирались до строительства. Я снимал кинокамерой, Еремин что-то записывал в блокнот.

— Отсиделся бы, — говорю ему, — погода наладится, тогда и придешь. Ну как писать о работе вот в такую погоду?

Убеждать его было бесполезно.

Вечером, раздевшись до трусов и развесив в номере свое белье, чтобы высохло к утру, мы сидели за рюмкой вина, обсуждали увиденное днем, читали стихи из приобретенных здесь книг. Еремин не покупал что попало. Он долго рассматривал сборник, листал и, когда убеждался, что держит в руках поэзию, покупал книжку. Помнится, к концу той поездки я неудачно пошутил. Как-то Игоря не было в номере. Я взял со стола купленные им книги и подпер каждой из них пустые бутылки из-под вина, предварительно расставив те в шифоньере по полкам.

— Это же надо! — поразился Еремин, открыв дверку шифоньера. — Как правильно подмечено. Пьют поэты, причем повсеместно.

Он решил, что этот намек дала кастелянша гостиницы, либо техничка. Я пожалел, что

неудачно пошутил, но не стал признаваться, ибо, как и все поэты, Игорь был очень раним. Об этом свидетельствует и другой пример. Однажды мы поехали во Владивосток, где проживали наши матери. Окно купе подернуто чернотой ночи. Дочери наши — Наташа и Оля — спят. А нам с Игорем надумалось сходить в ресторан. Стук колес и серп луны, торчащий в краешке окна, безлюдность ресторана навевали грусть. Мы ждали, когда выполнят заказ, а тут оживленной ватагой вошли иностранцы. Что-то обсуждая, они расположились недалеко от нас. И тут же возле них засновали оба официанта и прочая прислуга. Иностранцам заменили скатерку на новую, из материала более высокого качества. Словно по мановению волшебной палочки на столе оказалась и выпивка и закуска. Как и тогда, в автобусе, Игорь сидел, казалось бы, безучастно. Но вот вдруг встал, подошел туда, где уже звенел хрусталь под иностранную речь, взял чужой фужер и заполнил его чужим вином. Под ошеломленными взглядами присутствующих выпил. Я был ни жив ни мертв. Опешили и все остальные. Первыми опомнились официанты и с перекошенными лицами кинулись к поэту.

— Хам!

— Высадим! — неслось из нервно дергающихся губ.

— Не надо забывать, кто в России хозяин, а кто гость, — сказал Игорь Алексеевич. — Запишите на мой счет еще одну бутылку вина и поставьте гостям.

Когда у иностранцев появилось незаказанное вино, на их лицах снова вспыхнуло растерянное удивление. А Еремин приподнялся и дал рукой знать, — что, мол, примите от нас.

Поэма «Большак» была опубликована в журнале «Наш современник». Там же печатались поэмы «Солдатка», «Далекий свет», над которыми поэт работал, терпеливо оттачивая каждую строчку.

К тому времени умер отец Еремина. Его похоронили в Волочаевке, там, где когда-то был срублен его руками и руками его сыновей бревенчатый дом. Зоя Васильевна переехала жить во Владивосток к сыну Льву Алексеевичу. Я встречался с ней однажды в Белогорске, когда она приезжала проведать внучек. Это была женщина среднего роста, со светло-рыжеватым лицом, как у Игоря. Она была очень внимательна к собеседнику и немногословна. Чувствовалось, что за плечами этой женщины нелегкий путь, пройденный достойно. Во Владивостоке она жила в районе проспекта Столетие Владивостока, за кинотеатром «Искра». Квартира располагалась в цокольной части дома, куда солнце проникало лишь к вечеру. Я был здесь единственный раз, и когда зашел и увидел Игоря и Зою Васильевну рядом, то опять удивился внешней схожести матери и старшего сына. А Льва Алексеевича можно было принять за постороннего человека, зашедшего в гости. Черты лица его были острее, чем у брата и матери, русые волосы прямо зачесаны, скулы обтягивала сухая темная кожа. В тот мой первый и последний приход к Ереминым во Владивостоке у них шел разговор об отце, чью могилу в Волочаевке, очевидно, сыновья давно не посещали. Чтобы не мешать семейной беседе, я договорился с Игорем об отъезде в Белогорск и ушел. Я знал, как трепетно относился Игорь к отцу. В поэме «Большак» обращается он к его памяти:

...И вот стою перед могилой,

Родней которой в мире нет.

Отец, как он заждался, милый!

Ведь не был здесь я столько лет!

Мы и при жизни-то не часто

Встречались. В год, быть может, раз.

Тем большее давали счастье

Те встречи каждому из нас.

Бывало, сядем на порожек,

У ног разложим дымокур.

И пусть он, прогоняя мошек,

И ест глаза нам чересчур.

Сидим, не пряча дум заветных,

И говорим не впопыхах:

Я — о своих делах газетных,

Он — об учительских делах.

...Ведь он и умер прямо в школе:

Пришел с урока, сел вздохнуть,

Но, крикнуть не успев от боли,

Вдруг свесил голову на грудь.

...Судьбе было угодно, чтобы я сменил место жительства. В конце 1979 года переехал во Владивосток. Но Амурская область, по которой я много поколесил, будучи корреспондентом, навсегда осталась в моем сердце. И при любой возможности я посещаю Белогорск и Благовещенск, где прошла моя юность. Такая поездка состоялась в начале 1982 года. Первым, кого я встретил в Благовещенске, был Еремин. Помятый и плохо выбритый, он встретился мне в гастрономе и тут же попросил взять бутылку вина. Я купил, и мы поехали в Дом радио к нашим общим друзьям. В холле нас остановил председатель комитета Борис Петрович Рябов. Пока я рассказывал ему о своем житье-бытье, Игорь Алексеевич куда-то отошел, и я не мог его найти.

— Да ты не волнуйся, — сказал редактор «Солдатского часа» поэт Виктор Алюшин, — никуда он не денется, пока ты не купишь бутылку вина.

— Я уже купил.

— В таком случае ты его не увидишь.

Я не увидел Еремина ни тогда, ни после — никогда...

В немалой степени причиной его смерти стала алкогольная отравка. Я заостряю на этом внимание, ибо не секрет, что люди искусства сильно подвержены болезни винопития. Известный писатель Иван Дроздов недавно выпустил книгу «Унесенные водкой». Это исповедь о том, какой вред приносит алкоголь писателям. Но разве только люди творчества несут невосполнимые потери от «зеленого змия»? Алкогольный фашизм ворвался на каждую улицу, в каждый дом и беспощадно косит поколение за поколением.

— В последний год своей жизни, — рассказывал мне журналист и литератор Благовещенска Юрий Петрович Залысин, — Игорь писал роман «Мать». Главы из этого романа мы давали по радио. А вон в той комнате, — Юрий Петрович встал, прошел к дверям и открыл их в комнату, заполненную солнцем, — он жил. — Игорь тогда только что окончил институт и поступил в «Амурский комсомолец», где я был редактором. Писал он свежо, интересно. Стихи его публиковали. Родители Еремина жили в Волочаевке. Своего угла в Благовещенске у Игоря не было. Ну я и уступил ему эту комнату...

Этот разговор происходил не так давно. И вот уже нет и Юрия Петровича Залысина. Время безжалостно, и оно же, время, лечит и что-то навсегда утверждает в нашей памяти.

Тогда, после встречи с Залысиным, я сидел в кафе под открытым небом на берегу Амура. Напротив — поэт и переводчик с китайского Станислав Демидов, редактор литературно-художественного журнала «Приамурье» Владислав Лецик, рядом со мной — поэт Виктор Алюшин. На том берегу реки белели новостройки Китая. Недалеко от нашего столика разместились группа желтолицых парней. Они что-то обсуждали на своем языке. А мы вспоминали молодость и то время, когда возник конфликт на Даманском.

— А помните ереминских «Петухов»? — спросил Демидов. — Игорек еще тогда предугадал, что придет время, когда мы запросто будем ездить друг к другу и вот так рядом сидеть, как сейчас.

А мне вспомнилось, как вместе с Игорем Алексеевичем мы стояли у парапета недалеко от этого места, и его взор из-под насупленных рыжих бровей был устремлен на ту сторону реки. Может быть, в то время и родились у поэта вот эти строки одного из его лучших стихотворений:

*Встает Россия с петухами.
И я в одной из деревень
Проснулся в их веселом гаме,
Когда едва забрезжил день...*

*...Ах как он бил крылом, горластый!
Как выводил:
— Кукареку!
Как будто бы по-русски: «Здравствуй!»
Передавал через реку.
Так зарождалась связь простая.
Я ждал всего какой-то миг,
И вот с приветом из Китая
Уже летел ответный крик.*

Писалось это, когда еще не зарубцевались раны после событий на Даманском. В этом большом, наполненном гражданской ответственностью за судьбу страны стихотворении поэт откровенно говорит, где его баррикады и за что он сражается.

...И сквозь тумана волокнца
 В любом китайце наугад
 Уже я рад бы был знакоца
 Признать, как много лет назад.
 Уже я рад бы был, как брата,
 Его приветствовать стократ,
 Чтобы услышать, как когда-то,
 В ответ по-русски: «Здравствуй, брат!»
 Но нет, не поднял глаз китаец.
 Стоял он, голову клоня,
 Как будто спрятаться пытаюсь
 За конским крупом от меня.
 Как будто этим утром майским
 Меж нами не реки краса,
 А снова островом Даманским
 Вражды дымилась полоса.
 Ну что ж... Пусть дружбы нет в помине
 В Пекине на столбцах газет,
 Но кто ж поверит, будто ныне
 Ее и в нашем сердце нет?

А в конце стихотворения поэт выражает уверенность, что придут иные времена, времена добрососедства.

...Как ни насилуй душу властью,
 Ни отравляй наркозом слов,
 Не может состоять, по счастью,
 Жизнь из одних кошмарных снов.
 И над Китаем встанет утро!..
 Не это ль у любой стрехи
 Нам так естественно и мудро
 Напоминают петухи...

Где-то я прочитал: «Если дорога бесконечна, ты никогда не скажешь, какая часть ее пройдена. И если рассказу конца-краю не видно, все равно, где его оборвать. Говорить о поэзии можно бесконечно и всегда останется сказать больше, чем было сказано. Между прочим, таково свойство и самой жизни...»

Поэзия Игоря Алексеевича Еремина говорит, что он и сегодня идет рядом с нами по этой земле, которую любил сыновней любовью. Ей он и посвятил свою последнюю поэму, которая так и называется — «Земля»:

Распаханными далями чернея,
 Дорогами далекими пыля,
 Лежит она... а облака над нею —
 Как паруса. И вдаль плывет земля.

«Земля — корабль!» — так написал Есенин.
 Но времена иные подошли.
 И вот она с улыбкою весенней
 Сама свои шлет в космос корабли.

Масштабы, безусловно, все условны
 В сравнимой относительности их.
 И тридцать верст по счету баснословны,
 Когда их мерить на своих двоих...

Может быть, на своих двоих поэт померил не так уж и много, но мысленно он охватывал огромные просторы нашего государства да и всей Земли, поэму о которой он и замыслил. Окончить ее было не суждено...

...В один из вечеров я сидел в квартире у Галины Никитичны — вдовы поэта. Вместе с ней и старшей дочерью Светой мы вспоминали далекое время, читали стихи Игоря,

А когда умолкали, то каждый, наверное, думал о своем. Где-то далеко, среди северных широт светит сейчас окно избы младшей дочери Веры, у которой растет сын. Вторая дочь — Наташа, живет в селе под Кемерово. Бог щедро наделил ее детьми: у Наташи их пятеро. Жизнь продолжается. Буквально на минуту успел заскочить я в школу. Сейчас это гимназия искусств. Я зашел в тот класс, где когда-то мне довелось снимать для фильма партизан Белогорска. Преподаватель истории Светлана Забытова (я называю ее без отчества, потому что она еще очень молода и только вступает в великую сказку под названием «Жизнь») вела урок. А за окном класса высился памятник погибшим в годы Гражданской войны. Каменный партизан с приспущенным знаменем в руках всматривался в окна школы, как бы убеждаясь, на ту ли тропу выводят нынешнее молодое поколение.

Уезжая из Белогорска, я знал, что снова вернусь к нему в своем очерке, чтобы рассказать о поэте, который творил в этом городе и оставил в литературе заметный след. Последний его сборник «Зрелость», вышедший после смерти поэта, заканчивается следующими строчками:

*А жизнь и вправду слишком уж мала,
Чтобы объять по праву бесконечность.
И если все же нам доступна вечность,
Тому причиной добрые дела.
Они и после нас, о нас трубя,
Живут, как свет звезды давно потухшей.
И я судьбы пока не знаю лучшей,
Чем светом стать и пережить себя.*

